

Немецкие колонии Петергофа и его окрестностей (немецкая слобода)

Любознательный житель Петергофа не может не обратить внимания на странное слово, встречающееся в топонимике Петергофа, — колония (Петергофская колония, Колонистский парк). Чтобы как-то прояснить этот момент, придется немного углубиться в историю нашего района. Она тесно связана с рождением в начале XVIII в. Северной столицы Российской империи — Санкт-Петербурга, упрочением его в дельте Невы. Петр I приглашает западных специалистов (ученых, инженеров, техников, ремесленников), в том числе и немцев, для строительства новой Северной столицы и обустройства ее по европейскому образцу.

Екатерина II, следуя примеру Петра I, приглашает иностранных, в том числе и немецких, земледельцев для заселения окраинных и пустынных земель Российского государства. Из Западной Европы немецкие крестьяне уезжали из-за притеснения властей, войн, малоземелья, непомерных налогов. Россия избавляла их от многих трудностей, со временем становясь их второй родиной. Привлекая немцев-земледельцев в Россию, царское правительство ставило задачу за счет их трудолюбия и высокой агротехники облагородить ландшафты и землю, привить европейскую культуру земледелия русскому крестьянству, высокими урожаями огородной и садовой продукции обеспечить Петербург, загородные дворцовые комплексы, летние усадьбы вельмож. После известных манифестов Екатерины II («О позволении иностранцам выходить и селиться в России...» от 4 декабря 1762 г. и «О дозволении иностранцам, в Россию приезжающим, поселяться, где они пожелают...» от 22 июля 1763 г.) в 1764 г. в России был принят закон «О колонистах», который предоставлял переселенцам существенные льготы: 1) свободу вероисповедания; 2) свободу от платежей и всяких повинностей на 30 лет; 3) свободу от воинской и гражданской служб; 4) свободу от воинского постоя, кроме прохода через селение воинских команд; 5) свободу выезжать из России, если кто того пожелает; 6) ...заводить фабрики, производить всякие ремесла, торговать, вступать в гильдии и цехи и везде в империи продавать свои изделия. Хлынул поток иммигрантов из Западной Европы. В Петербургской губернии немецкие крестьяне-переселенцы, приезжавшие в основном из Германии, в 1765 г. образовали Ямбургскую колонию, а в 1766 г. — Ижорскую, Среднерогатскую, Новосаратовскую колонии.

Наиболее интенсивно колонии под Петербургом образуются после нового закона «О колонистах» от 20 апреля 1804 г., изданного Александром I. Этот документ сохранял все привилегии, положенные по закону «О колонистах» от 1764 г., только срок освобождения от всяких платежей и повинностей сократился до 10 лет.

В 1805 г. на южном берегу Финского залива, в двух верстах от Ораниенбаума (в сторону Красной Горки), для немецких крестьянских семейств, прибывающих в Петербургскую губернию водным путем из Германии и Царства Польского (туда они ранее переселились из Пруссии), был организован Приморский лагерь. Здесь они временно находились перед переселением в места основного места жительства на государственных землях. В 1809 г. 100 немецких семей были направлены в новую, Изварскую, колонию у поселка Волосово. Однако вскоре выяснилось, что эти земли не пригодны для ведения хозяйства. И 9 сентября 1811 г. Александр I подписал указ «О разрешении поселенцам перейти в другие места». Так за 3 года прекратила свое существование Изварская колония.

Одновременно с Изварской образуются колонии по Петергофской дороге — это Кронштадтская и Стрельнинская колонии. В 1812 г. они пополняются за счет расформирования Изварской колонии и одновременно образуются три новые колонии: Петергофская, Кипенская, Ораниенбаумская. В этот же период Александр I отводит земли колонистам под Павловском, «Этюп» (1811 г.), и около Царского Села, «Фриден-таль» (1820 г.).

В царствование Николая I образование новых колоний идет за счет старых («материнских»), где ограниченные земельные наделы не могли прокормить разрастающиеся семьи. Появляются Гражданская (1827 г.), Парголольская (1830 г.) колонии к северу от Петербурга; Александринская (1833 г.) и Знаменская (1843 г.) колонии рядом с Петергофом.

Всем колонистам-переселенцам была оказана помощь от казны:

1. Отведено от казенных земель от 30 до 50 десятин (1 десятина ~ 1 га) на каждое семейство, из числа оных расчищено было нужное количество десятин под пашни для первого посева.

2. Выстроены дома с дворами и службами по типовым проектам.

3. Снабжены лошадьми и рогатым скотом.

4. Куплены сельскохозяйственные орудия и прочие сельские инструменты.

5. До первой жатвы выданы кормовые деньги.

Расходы на каждую семью составили в среднем от 2 000 до 11 000 рублей. Обязанностью колонистов было трудом своим показывать пример в ведении сельского хозяйства русским крестьянам и исправно платить подати до двух рублей с каждой десятины.

Что же отличало колонистов от других жителей Петербургской губернии?

Колонисты, хотя и жили несколько обособленно, были образцом во всем для других граждан как в сельском хозяйстве, так и в быту. Своих детей с раннего детства они приучали к труду: уходу за домашними животными, возделыванию огородов, заготовке дров в лесу с обязательной подсадкой молодняка на выделенных участках. В повседневную жизнь колонистов входило обучение детей различным ремеслам: девочек обучали кройке и шитью, вязанию, оказанию медицинской помощи, заготовке припасов; мальчики осваивали шорные, сапожные, столярные, слесарные ремесла.

Всегда празднично и строго под торжественные звуки органа и хора проходил обряд конфирмации — первого причастия юношей и девушек, достигших 15-летнего возраста. Месяца за два до этого дня конфирмирующиеся должны были пройти подготовку у пастора (священника) в разучивании молитв, псалмов и песнопений.

Колонисты умели не только хорошо работать, но и веселиться. Особенно почитался ими праздник, посвященный Иоанну Крестителю, восходящий к древнеязыческому празднованию дня летнего солнцестояния (у славян — Купала, у прибалтов — Лиго). Юноши и девушки в ночь на Иванов день (24 июня) собирались на возвышенностях, жгли костры, пели песни, плясали и веселились.

Каждая колония управлялась сельским старостой (шульцем), наиболее важные вопросы решались на общих сходах. Крупные колонии на общинные сборы содержали свои церковные приходы (в основном лютеранские), школы, пожарные команды, духовые оркестры, кассы взаимопомощи, аптечки. Кроме того, в каждой колонии были мастеровые всех специальностей, которые обслуживали не только колонистов, но и брали подряды на стороне. Колонисты говорили между собой по-немецки, сохраняли свои обычаи и веру, в брак вступали в основном с представителями своей среды. Нищих в колониях не было. Малолетних сирот отдавали в учение; когда они вырастали, находили им невест (женехов) с полными домами.

Дома переселенцев с ухоженными палисадниками были окрашены в светлые тона: голубые, желтые, зеленые. В крытых надворных постройках содержалась в чистоте многочисленная скотина и птица, в садах росли разнообразные плодовые деревья и кустарники. Особенно поражало обилие цветов.

Что труд — основа хорошей жизни, понимал каждый, кто попадал в немецкий дом: солидная старинная мебель, беккеровские кабинетные

рояли, фисгармонии, книги в сафьяновых переплетах с золотым тиснением русских и немецких классиков, чайные и столовые сервизы из саксонского и кузнецовского фарфора и столовое серебро с фамильными монограммами — все говорило о достатке и уверенности в завтрашнем дне.

С момента образований колоний в России внешнее управление ими осуществлялось Министерством внутренних дел, на местах — инспекторами; с 1838 г. управление колониями перешло к Министерству государственных имуществ. По прошествии льготного периода все колонисты стали нести общие поземельные повинности наряду со специальными общинными сборами и казенными податями. По прошествии 100 лет с момента принятия закона «О колонистах...» от 1764 г. колонистам разрешалось выкупать арендуемые ими земли в собственность по цене 60 рублей за десятину. В 1871 г. были изданы особые правила организации колоний, по которым на колонистов распространялись «Положения о российских крестьянах» от 1861 г. С введением в 1873 г. всеобщей воинской повинности колонисты окончательно уравнились в правах и обязанностях с прочими земледельцами-собственниками и стали называться поселянами-собственниками.

С 1856 по 1900 гг. в Петербургской губернии образовалось еще 11 колоний: Шуваловская, Овцено, Янино, Форфоровская, Веселая и другие. По данным переписи населения, в 1897 г. в Петербургской губернии проживали 71 530 немцев (из них 13 661 чел. — в сельской местности).

После революции 1917 г. быт и уклад колонистов мало изменились. Немецкая молодежь призывалась на службу в Красную армию и на флот, несла ее отлично. Немцы неоднократно избирались депутатами местных советов. Однако в 1930-е гг., в период коллективизации, было проведено раскулачивание наиболее зажиточных колонистов. Их имущество было конфисковано, а семьи отправлены на поселение на Кольский полуостров. В 1937–1938 гг. вторая волна репрессий обрушивается на немцев-колонистов. Жертвами становятся рядовые колхозники, чаще всего их осуждают по 58 (политической) статье и расстреливают, а семьи высылают на Урал, Алтай, в Сибирь.

С началом Великой Отечественной войны (ВОВ) практически все немецкие колонии были уничтожены. Мужское население было призвано в трудовую армию на строительство дорог, мостов, укреплений. Оставшиеся жители колоний, попавшие в оккупацию, были угнаны на работы в Германию. В 1942 г. НКВД проводит дополнительные «чистки» (депортации) «русских» немцев, переселяя их из приграничных территорий в глубь страны. После победы над Германией ни один колонист

не смог вернуться в свои родные места. Из трудовой армии и после освобождения из плена их отправляли на поселение в Сибирь. В колониях, где когда-то кипела жизнь, давно живут выходцы из других мест. И только через 20 лет после ВОВ некоторые потомки колонистов смогли вернуться на родину, а через 50 — узнать правду о своих безвинно репрессированных родных.

Остановимся более подробно на истории немецких колоний южного берега Невской губы. Когда-то они органично вписывались в цепь историко-культурных ландшафтов, протянувшихся вдоль Петергофской дороги. Созданная по замыслу Петра I многокилометровая «гирлянда» усадеб, в которой парки чередовались с ухоженными крестьянскими полями и лугами, стала образцом новой России, смелым шагом в культурном преобразовании скудной севернорусской природы. Все колонии южного берега Невской губы появились в I половине XIX в., с 1809 по 1847 гг. Дома для первых колоний строились по специальным проектам, разработанным придворным архитектором А.Н. Воронихиным и утвержденным императором Александром I. К 1850 г. по южному берегу Невской губы живет около 6 350 немецких колонистов, больше чем в остальных уездах губернии, вместе взятых.

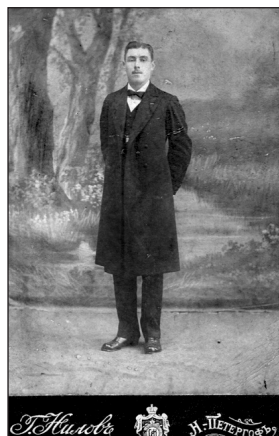
В 1830–1840 гг. напротив Ораниенбаумской колонии, у залива, возникло лютеранское кладбище, где хоронили и немцев-колонистов; в 1932 г. оно было закрыто. В 1857–1864 гг. протянувшаяся Балтийская железная дорога, построенная бароном Штиглицом, задела земли колонистов, что привело к отчуждению некоторой части пахотных угодий, но в то же время привлекла большое количество дачников из разных слоев Петербурга.

Кронштадтская колония образовалась в 1809 г. из шести немецких семей. Колонисты поселились на высоком берегу напротив Приморского лагеря и основали Кучинскую колонию, впоследствии получившую название Кронштадтской. Последнее название сохранилось до наших дней. А связано оно с тем, что крестьяне-колонисты сбывали продукты своего труда в Кронштадт. Напротив колонии была пристань, и колонисты участвовали в перевозке грузов для строительства фортов, в прокладке кабелей в Кронштадт. Колонисты посещали лютеранскую церковь, которая находилась рядом с Кательной горкой. В 1862 г. в колонии насчитывалось восемь дворов. В 1930 г. колонисты объединяются в колхоз «Кронколония». Однако в 1934 г. многие из них попадают под раскулачивание, колхоз приходит в упадок. Сейчас в колонии сохранилось несколько старых домов, в которых живут потомки колонистов (Буц, Краубнер). Исторический облик сохранил дом под номером 24.

Ораниенбаумская колония образовалась в 1812 г. после распада Изварской колонии. Колонисты в составе трех дворов поселились на высоком берегу западнее усадьбы Сергиевка. В 1862 г. в колонии числилось также три двора с 22 жителями мужского и 20 женского пола. Под покосы и пашни был вырублен лес, окружавший колонию с севера и юга. Основными занятиями колонистов были садоводство, овощеводство, летом сдавали дачи в наем. Приезжало много дачников-немцев (служащих, ремесленников) из Петербурга. В начале XX в. большой популярностью у дачников пользовался гимнастический павильон, открытый Майером, где за небольшую плату занимались дети, а по выходным для взрослых устраивались платные танцы. В конце дачного сезона Майер организовывал праздник с показательными выступлениями артистов, вручением призов и подарков. В колонии проживали семьи Кноделей, Фрицлеров, Эйдемиллеров. Все колонисты были прихожанами церкви святого Иоанна Крестителя поселка Мартышкино. Сейчас о колонии ничего не напоминает, кроме поля, протянувшегося к югу от улицы Левитана до железной дороги, где были пахотные земли колонии.

Петергофская колония образовалась по инициативе вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Соседство с ее «Собственной дачей» не было случайным. Императрица, кроме свежих овощей и фруктов к своему столу, хотела обставить свое пребывание на даче элементами родных для нее немецкой культуры и быта. В 1812 г. для колонии отвели часть земель деревни Бобыльской с питомником молодых дубков точнее «Собственной дачи».

Первоначально образовались два двора братьев Георга и Адама Браунов. Александр I утвердил чертежи фасадов домов, выполненных в готическом стиле: они имели стрельчатые окна, карнизы с аркатурными поясками, коньки кровель венчали фиалы. Каждое хозяйство состояло из нескольких добротных домов, обшитых тесом, больших сараев, куда можно было заехать на лошади, и хлебов для скота и конюшен для лошадей, замкнутых одной крышей. Дворы были огорожены высокими заборами с воротами и калиткой со звонком. Каждый двор имел ледник и пруд. К 1900 г. добавились еще два двора — Лореров и Эйдемиллеров. В 1915 г. в колонии насчитывался 51 житель. Занимались производством

Ф.Ф. Браун —
староста Петергофской
колонии. 1914 г.

и продажей сельскохозяйственной продукции, а также извозом, имелся небольшой кирпичный завод. Несмотря на частные хозяйства, основные трудоемкие работы (пахота, уборка урожая, ремонт строений и дорог, забивание скота и т.п.) выполнялись сообща. Выгодное положение колонии давало еще одну статью дохода от сдачи в летний сезон домов под дачи. Так, летом 1854 г. в колонии отдыхал И.С. Тургенев. В рукописи его повести «Затишье» сказано: «...Кончено в Петергофской колонии, 23 июня...».

Дети посещали петергофскую гимназию. Все были прихожанами петергофской лютеранской церкви Петра и Павла. До 1941 г. сохранялась нумерация по дворам (1 — Лореры, 2 — Эйдемиллеры, 3, 4 — потомки братьев Браунов). Во время ВОВ колония попала в зону боевых действий, была разрушена, колонисты депортированы. После войны вернулась в родные места только семья Александра Брауна из третьего двора. Сегодня улица, вдоль которой стояли дома колонистов, носит имя Мечникова. Вдоль нее построены новые дома, сохранился в первоначальном виде (с начала XX в.) только последний дом под № 13, в нем живут потомки сторожа «Собственной дачи» Козлова. Четную сторону улицы занимает территория туберкулезного детского санатория, построенного в 1960-х гг.

Стрельнинская колония образовалась по инициативе великого князя Константина Павловича на южной границе его усадьбы в 1810 г. и состояла из 12 семей. В 1812 г. в ней поселились еще 20 семей из колонии «Извар». К 1910 г. протяженность колонии составляла 4 версты (1 верста ~ 1,067 км), и она делилась на Верхнюю, Среднюю и Нижнюю, включала 46 дворов (640 душ). Это была самая многочисленная колония по Петергофской дороге. Самыми распространенными были фамилии: Аман, Браун, Вальтер, Гевейлер, Герлеман, Лорер, Людвиг, Шац, Шефер, Шмидт, Штро. На собственные средства колония построила лютеранскую церковь Петра и Павла, приют, школу. В начале XX в. в ней были сформированы пожарная команда, духовой оркестр. После революции 1917 г. на базе колонии был образован колхоз «Роте фанэ», впоследствии неоднократно становившийся призером ВДНХ. В 1930 г. часть крепких хозяйств, не вошедших в колхоз, была раскулачена, а семьи сосланы на Кольский полуостров. В 1933 г. закрывается церковь, в ней образуется клуб. Во время ВОВ фашисты угоняют на работу в Германию всех жителей Стрельны, в том числе и колонистов. Вернулись назад немногие. Сегодня в уцелевших домах колонии живут другие люди, но сохранились ее деление на три части, развалины богадельни, а также старое кладбище, где встречаются надгробные плиты с фамилиями колонистов.

Начальная четырехклассная немецкая
школа Стрельнинской немецкой колонии. 1930 г.

Александринская колония образовалась по указу Николая I на пустующих землях его летней резиденции за Охотным болотом (ныне — Ольгин пруд) в 1833–1834 гг. Она получила свое название в честь жены государя Александры Федоровны. Первоначально приехали шесть семей: из Новосаратовской колонии — Фридрих Бич, из Среднерогатской — Матеас Лорер, Петр Шмидт, Иоганн Эйдемиллер, Андрей Лорер, Давид Фрицлер. От казны каждой семье было выделено по 6 000 рублей на строительство усадеб. Дома колонистов возводили по типовым проектам, выбранным ими из 20 разработанных специально для них. В 1836 г. к ним добавились еще две семьи из Среднерогатской колонии — братьев Михаила и Андрея Бауэров. Позднее, в 1847 г., при разбивке Лугового парка после долгих препирательств братья Бауэры вынуждены были переселиться к Запасному (Никольскому) пруду с компенсацией от казны по 2 600 рублей на каждую семью. В конце XIX в. после женитьбы на дочери Андрея Бауэра Христине на западном берегу Запасного пруда поселился Михаил Келлер. Колонисты трудились на своих полях, сельскохозяйственную продукцию сбывали на рынке; дополнительно занимались извозом. На своих ломовых лошадях перевозили продукты из лабазов в лавки Петергофа, дрова из Троицкого леса для школ и больниц. Были у колонистов и легковые извозчики, чьи пролетки характеризовались изяществом стрекозы, а санки с ковровой обивкой и медвежьими лопастями вызывали восхищение горожан. Стоянки, где они ожидали пассажиров, были у вокзалов в Старом и Новом Петергофе и у гостиницы «Самсон». Дополнительный доход приносила сдача домов в наем дачникам на лето. Дети учились в петергофской гимназии. Все были прихожанами лютеранской церкви Петра и Павла. Во время Масленицы в городе устраивались народные гуляния и конные состязания, в которых участвовали и колонисты. Они неизменно разделяли первенство и призы с военной конницей. Всех привлекали их красавцы-кучера в черных полшубках, подпоясанных красными кушаками с кистями, и в черных картузах с меховым верхом. Хороши были и их тройки, разукрашенные яркими лентами и цветами.

В советское время немцев Александринской колонии постигла та же печальная участь, что и немцев из других колоний. После раскулачивания многие колонисты стали работать на местных предприятиях, в воинских частях, учреждениях. Во время ВОВ дома колонистов сгорели. Сохранился лишь пруд на участке Келлеров. На землях колонии в 1970-е гг. был построен типовой квартал жилых домов, и только название близлежащего парка — Колонистский — напоминает нам о ее прежнем существовании.

Знаменская колония образовалась в 1843 г. у перекрестка дорог из мызы «Знаменки» в Ропшу и Луговой парк. Она состояла из четырех дворов. В 1915 г. в ней проживали 59 человек. После революции 1917 г. колонисты работали в колхозе «Арбайтер». Известно, что до ВОВ в колонии жили Беккеры, Краубнеры. У Петра Христиановича и Анны Яковлевны Краубнер было четверо сыновей: Петр, Павел, Константин и Николай (их дети и внуки сейчас проживают в Петергофе). Самым талантливым был Павел. Вслед за отцом он поступил работать на Петергофскую гранильную фабрику (ТТК–1 с 1932 г.) и быстро стал признанным мастером. В 1937 г. ему присуждается золотая медаль Парижской выставки за участие в создании мозаичной карты «Индустрия СССР». Павел прошел всю войну, защищая «Дорогу жизни» — Ладогу, там же родилась его «Песня о Ладоге». Он погиб в последние дни войны освобождая Прибалтику. Судьба колонии также трагична. После ВОВ на ее землях была устроена городская свалка, сейчас на расчищенной территории организованы садоводства для жителей Петергофа. Среди участков попадаются пруды от усадеб колонии — единственные напоминания о прежней жизни.

Сведения о Луизинской колонии очень скудны, требуются дополнительные материалы о ней. Известно только, что при перестройке деревни Луизино в 1848 г. Николай I приказал архитектору Комарову отвести один участок немецкому колонисту как образцовый. В 1863 г. в деревне Луизино числился один двор немецкого колониста, в котором проживали трое мужчин и пятеро женщин. До ВОВ на этом месте проживала немецкая семья Лореров, рядом проходила улица Парковая.

Автор статьи предприняла самостоятельные шаги в поиске следов существования немецких колоний на территории Петергофа. В результате поисков удалось познакомиться с внуком колониста Петергофской колонии Георга Брауна Евгением Александровичем Брауном. Их род единственный, который сохранил постоянное место жительства в пределах колонии за все время ее существования. Несколько вечеров я подробно записывала интересный рассказ об истории семьи Браунов и получила в подарок копию свидетельства о рождении и крещении Александра Брауна. Судьба Александра Брауна столь необычна и интересна, что хочется изложить рассказ его сына более подробно.

Его отец, Александр Браун, родился 2 июня 1905 г. и был крещен 19 июня в лютеранской церкви Петра и Павла, которая находилась у Английского пруда. Далее узнаем из свидетельства: *«Родители: неизвестны. К крещению представил младенца колонист Петергофской колонии Георгий Браун и его законная жена Христина (рожденная Скилтер),*

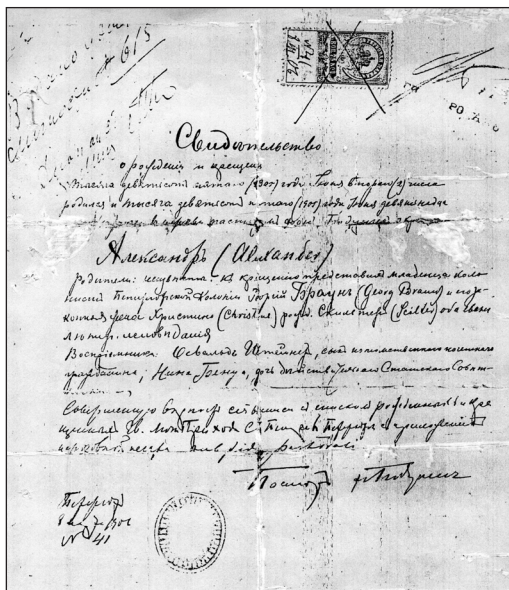
Диплом Парижской выставки о присуждении золотой медали
 за мозаичную карту «Индустрия СССР»
 мастеру Петергофской гранильной фабрики Павлу Краубнеру. 1937 г.

Павел Краубнер. 1941 г

оба евангелистско-лютеранского исповедания. Восприемники: Освальд Штейнер — сын потомственного почетного гражданина, и Нина Бенуа — дочь действительного Статского Советника...» Хранитель музея Бенуа добавила некоторые подробности о восприемниках. Нина Леонтьевна Бенуа, в замужестве Фролова (1880–1959), была сестрой Ольги Леонтьевны Бенуа (1882–1973), которая, в свою очередь, была замужем за Освальдом Штейнером. Их отец, Леонтий Николаевич Бенуа, — один из четырех братьев (Альберт, Михаил, Александр) знаменитого клана Бенуа — художников и архитекторов. Он построил севернее колонии, в деревне Бобыльской, несколько дач для себя и своих родственников. К моменту описываемых событий в одной из них жили его дети со своими семьями летом. Только дача Михаила Бенуа сохранилась до наших дней (ул. Приморская, 8/4).

Легенда о рождении Александра Брауна, приведенная в статье М. Плюхиной «Немцы и Петергоф», получает документальное подтверждение после знакомства с подлинным документом. Евгений Александрович подтвердил, что ребенок, подброшенный бездетной чете Браунов, был назван в честь Александра Бенуа и на протяжении многих лет опекался

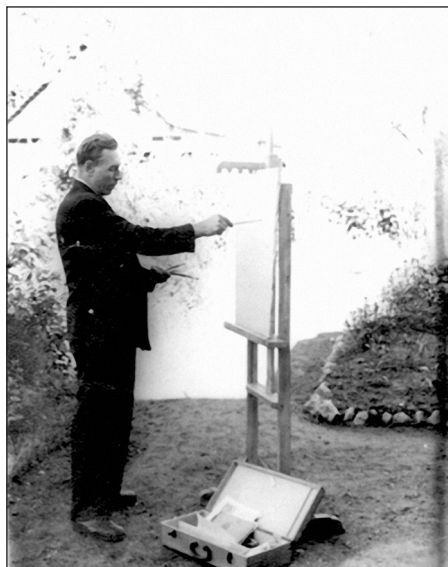

Свидетельство о рождении и крещении
Александра Брауна. 8 марта 1906 г.

и материально поддерживался семьей Бенуа вплоть до их эмиграции за границу в 1917 г. Художественные наклонности у Александра проявились очень рано, а учеба в гимназии способствовала их развитию. Крепкое хозяйство и строгий уклад семьи Браунов помогли им выжить в период послереволюционной разрухи. Имея в хозяйстве лошадей, Александр занимался извозом, работая в артели инвалидов. В 1925 г. он женится на Игнашевой Анастасии Степановне, родом из Псковской области. В 1926 г. умирает его отец Георгий Адамович. В начале 1930-х гг. все боялись раскулачивания, Александр на всякий случай продал лошадей. Но участь других колонистов на этот раз их миновала. Власти только урезали пахотную землю (первоначально земли Браунов доходили до Баушева пруда). Пришлось идти работать на завод (ГТК-1).

С началом ВОВ завод перешел на военное положение, стали готовиться к эвакуации. Первая партия была отправлена в города Углич и Кусу в начале июля. 29 августа началась эвакуация второй партии, в которую входил Александр Браун с семьей. К этому времени у него было уже четверо сыновей. Немцы подступали к городу со всех сторон. До 15 сентября вся семья жила в вагончике в Лесном порту в ожидании эвакуации. Когда кольцо блокады замкнулось и стало ясно, что выехать из города невозможно, начальство разрешило рабочим самостоятельно решать свою дальнейшую судьбу. Альберт и Евгений вернулись в Петергоф к бабушке Христине. Родители остались жить в Ленинграде вместе с Александром и Валерием. Весной 1942 г. в городе началась новая этническая чистка. Отца отправили на рудники в Копейск, на Урал. Но в 1944 г. благодаря сохраненной метрике он был отпущен на свободу, смог поехать в Кусу, в место расположения эвакуированного завода. В 1944 г. после снятия блокады и освобождения Петергофа Анастасия Степановна с детьми вернулась в Петергоф. От дома остался только угол, какое-то время семья жила во временке, пока с большим трудом не восстановила прежний дом (ул. Мечникова, 7). Вместе с заводом в 1946 г. Александр Георгиевич возвращается в Петергоф.

После долгих мытарств и вновь благодаря метрике он прописывается в собственном доме, поступает на завод (с 1954 г. — ПЧЗ) и работает художником-оформителем вплоть до 1990 г. В свободное время рисует этюды, пейзажи. Его картины неоднократно выставлялись на городских выставках. Один из сыновей, Альберт, унаследовал художественные наклонности отца. В 1957 г. он закончил Высшее художественное училище им. В. Мухомовой и с этого года до самой пенсии работал художником на Кировском заводе, в свободное время писал этюды и акварели.

Александр Браун
за мольбертом. Снимок 1965 г.

Петергофская
лютеранская церковь.
Архитектор Э. Ганн.
Построена в 1864 г.
Разрушена в 1934 г.
Снимок 1909 г.

Некоторые литературные и картографические источники XIX в. называют комплекс поселений немцев-колонистов под Петергофом «Немецкой слободой», что оправданно. Если мы внимательно посмотрим на карту Петергофа, то увидим, что с бурным ростом этого поселения в середине XIX в. колонии сливаются с ним по окраинам, становятся частью его хозяйственной и культурной жизни: сельхозпродукцию колонисты сбывают на рынке Петергофа; в 1864 г. архитектором Э. Ганом специально была построена лютеранская церковь для возросшего немецкого населения, дети колонистов посещают школы города.

Неоценимой считаем помощь краеведа и знатока колоний под Петербургом Игоря Николаевича Штейнера в подборе материалов о немецких поселениях (по его публикациям в газете *Sankt-Petersburgische Zeitung* (S-P Z)). Автор также благодарит Евгения Александровича и Марианну Альбертовну Браунов, Софью Матвеевну Аман за сведения, фотографии и документы об их семьях, придавших статье большую убедительность и достоверность.

Гернет А. фон. Немецкая колония Стрельна: юбилейный листок. СПб., 1910.

Горбатенко С.Б. Петергофская дорога: путеводитель. СПб., 2002.

Гуцин В.А. Александринская колония // Петергофский вестник (ПВ). Июнь 1992.

Гуцин В.А. Петергофские деревни // ПВ. Февраль 1995.

Мы живем на одной земле: сб. ст. Л., 1992.

Плюхина М.С. Немцы и Петергоф // ПВ. 11.9.1992.

Пыляев М.И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1889.

Ряд статей И.Н. Штейнера, посвященных немецким колониям, в газете *Sankt-Petersburgische Zeitung* (S-P Z) за 1993–1994 гг.

Устные воспоминания потомков колонистов.